

А.А. Орлов

Влияние экономических факторов на политические отношения Великобритании и России в 1830–1840-е гг.

В статье поставлена следующая проблема: как в 1830–1840-х гг. российско-британские экономические связи влияли на политические отношения двух стран? В 1830-х гг. британское купечество было крайне заинтересовано в том, чтобы сохранить российский рынок. Тем не менее, в торговле с Россией для британцев существовало серьезное затруднение – протекционизм русской таможенной политики. Его «отцом» был министр финансов гр. Е.Ф. Канкрин. После отставки министра в 1844 г. император Николай I стремился доступными ему экономическими средствами содействовать Великобритании и Франции в преодолении трудностей их внутреннего развития для предотвращения потрясений, способных нанести непоправимый вред венской системе международных отношений.

Ключевые слова: экономика Великобритании и России в 1830–1840-х гг., российско-британские отношения, венская система международных отношений, гр. Е.Ф. Канкрин, гр. К.В. Нессельроде, премьер-министр Р. Пиль, министр иностранных дел Дж.Г. Гордон лорд Эбердин.

В 1830–1840-х гг. финансовое и коммерческое благополучие России по-прежнему в значительной степени зависело от состояния отношений с Великобританией.

Для того чтобы играть самостоятельную роль в «европейском концерте» держав и на равных взаимодействовать с Лондоном (сохранить статус партнера Британии в венской системе международных отношений), Россия стремилась, с одной стороны, защитить свою экономику протекционистскими таможенными тарифами, а с другой – развивать торговлю балтийских и черноморских портов. Продолжались попытки изменения структуры внешней торговли. Для российских промышленников было выгодно, чтобы из Англии поступали необходимые для их предприятий усовершенствованные механизмы и сырье. В то же время они хотели обезопасить отечественный рынок от проникновения на него однотипных с российскими, но более качественных и дешевых британских товаров. Убежденным защитником и проводником этой линии был российский министр финансов гр. Е.Ф. Канкрин, которому удавалось

время от времени привлекать на свою сторону министра иностранных дел вице-канцлера гр. К.В. Нессельроде. Вообще Канкрин не стремился иметь влиятельных союзников, предпочитая действовать в одиночку [7, с. 128] при поддержке со стороны императора Николая I. Это, как потом выяснилось, способствовало постепенной утрате достижений министра после его отставки в 1844 г.

На политику правящих кругов Великобритании значительное влияние оказывала полемика, ведущаяся в английской публицистике со времени обострения британо-российских отношений в начале 1830-х гг. В ней, по словам советского историка Л.С. Семёнова, «... отчетливо проявилась борьба двух тенденций в отношении развития экономических связей с Россией» [9, с. 41].

Идеологи манчестерской школы английских фритредеров рассчитывали, что пример Англии побудит другие государства Европы, в т.ч. Россию, принять принципы свободной торговли. Таким путем можно будет добиться расширения рынка сбыта британских товаров. Главным выразителем подобных взглядов был известный борец против «хлебных законов» Р. Кобден. Его деятельность оказала определенное влияние на политику правительства. Е.В. Тарле подчеркивал: «... глава консервативного правительства Роберт Пиль... постепенно склонялся к сближению с Ричардом Кобденом, основные требования которого относительно отмены хлебных законов, как известно, Пиль и осуществил в 1846 г.» [10, с. 101].

Представители другого направления призывали британских предпринимателей переключиться на активное освоение турецкого рынка, поставив его под полный контроль Англии. Эта программа пропагандировалась дипломатом и публицистом Д. Уркартом в отдельных работах и статьях, а также в издаваемых им сериях сборников «Портфель» (The Portfolio). В своих публикациях Уркарт предлагал вести с Россией таможенную войну, чтобы заставить русских дворян-экспортеров оказывать давление на собственное правительство с целью заставить его отказаться от протекционизма. «Помимо таможенной войны, “Portfolio” предлагал и другой путь. Англия могла бы добиться от соседней с Россией Турции “отмены всех ограничений, введение которых стоило России таких усилий”, а Турция статьями своего вывоза могла бы соперничать с Россией и “снабжать нас всякого рода сырьем по более дешевой цене...”» [9, с. 42].

Изучение архивных документов убеждает: в 1830-х гг. британское купечество было крайне заинтересовано в том, чтобы сохранить российский рынок. В обоснование этого приведем, как минимум, три причины. Во-первых, налаженные древние устойчивые связи и выгодные позиции,

завоеванные британцами в России. Во-вторых, политическая стабильность (особенно в сравнении с нарастающим после прихода к власти султана Абдул-Меджида (1839–1861) политическим хаосом в Турции), гарантирующая сохранение их капиталов и предоставляющая возможности для расширения сферы деятельности. В-третьих, наличие у населения России разнообразных материальных потребностей, сходных с потребностями других европейцев, и желания следовать за европейской модой, что пока еще было слабо развито в Турции. Другими словами, если в России британцы находили заинтересованного потребителя их товаров, то в Турции и других странах Востока его требовалось создать, потратив на это время, силы и средства. Тем не менее, в торговле с Россией, особенно когда пост министра финансов занимал Канкрин, для британцев существовало серьезное затруднение – протекционистский характер русской таможенной политики. Поэтому они всеми возможными способами (в ход по-прежнему шла даже контрабанда), боролись с протекционизмом, не пренебрегая возможностью прямого обращения к высшим чиновникам империи, в т.ч. и к Николаю I.

Примером такой борьбы, свидетельствующем о большом желании британцев не только сохранить свои позиции на российском рынке, но и укрепить их, перехватив у других выгодные статьи экспорта, может служить дело, сохранившееся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). Оно посвящено рассмотрению просьбы английских купцов о даровании им права поставлять в Россию мелкоколоченый (луповый) сахар на тех же основаниях, что и доставляемый с о. Куба тростниковый глинерованный (пропущенный через глину) сахар. Дело тянулось с 1830 по 1835 гг.

18/30 июня 1830 г. британский посол У. А'Корт барон Хейтсбери вручил Нессельроде ноту, в которой говорилось, что по поручению своего правительства он обращается к вице-канцлеру за разъяснением: на каком основании «...привоз в Россию некоторого рода сахару, вывозимого из Англии, запрещен, между тем, как таковой же сахар, привозимый из других мест, свободно пропускается» [4, л. 7]. Британцы доказывали: в действующем русском тарифе допущена ошибка, позволяющая запретить привоз в страну лупового сахара как рафинада, готового к употреблению, и разрешающая доставку гаванского глинерованного сахара как полуфабриката, хотя оба вида «...во всех отношениях принимаются в торговле за один и тот же сахар» [Там же, л. 7–7 об.]. Именно это неравенство побудило купечество жаловаться.

Хейтсбери выражал свою убежденность в том, что как только несоответствие будет доведено до сведения российского правительства,

последнее «...охотно примет меры для доставления Британцам, привозящим сахар в Россию, тех прав, коими пользуются их более уважаемые (т.е. те, кому оказано больше уважения. – *А.О.*) соперники» [4, л. 9–9 об.].

В обоснование предъявленного требования посол приводил два обстоятельства. После уничтожения монополии и разрешения доставки в Россию из Англии лумпового сахара, указывал он, цена на этот продукт резко упадет, что будет выгодно для массового российского потребителя. (Поставщики же не потеряют в доходах из-за роста потребления.) «...С исключением Британских купцов от привоза сахара для существующих в России сахарных заводов, цена на Гаванский сахар, который один только дозволен, чрезвычайно возвысилась в С. Петербурге. Британское Правительство имеет точное сведение, что цена за сей товар в С. Петербурге 45 [рублей], а доставленный такой же доброты из Англии будет стоить 36» [Там же, л. 10]. Кроме того, Хейтсбери напоминал: России еще в 1827 г. специальным указом Тайного совета при короле Георге IV от 16 июля (н.ст.) было в одностороннем порядке предоставлено право наибольшего благоприятствования (*placed upon the footing of the most favored Nations*) в торговле с британскими колониями. «Испрашивая согласия Императорского Кабинета на сие представление, Британское Правительство не требует ничего более от России, как токмо некоторого вознаграждения за то, что уже с избытком ей уступлено. Расположение Англии к России очевидно из того, что она простирает вполне на Российскую Торговлю все преимущества, кои дарованы прочим народам, а сие самое, кажется, дает право Англии настоять на взаимство (так в тексте. – *А.О.*) в сем случае» [Там же, л. 10 об. – 11].

Послу тогда не удалось добиться разрешения на ввоз сахара из Англии. Против привоза лумпового сахара выступало «Общество сахароваров», первое в России объединение промышленников, образованное в 1834 г. [9, с. 39]. Протест поддержал Канкрин. Он также не мог не учитывать того, что пошлина на привозной сахарный песок, составлявшая в 1824–1832 гг. 2 руб. 50 коп. с пуда, давала государству в год 2 940 291 руб. дохода [1, с. 173]. Для поддержания производства и для контроля над ценами правительство закупало значительную часть сахара, производимого на отечественных предприятиях.

Знаменитый русский поэт кн. П.А. Вяземский в 1830 г. побывал на сахароваренном заводе Клеменса, управляемом Гартманом, в Ревеле. По словам князя, там вываривалось 25 тыс. пудов в год. Можно было довести производство до 100 и даже 300 тыс. пудов, «...но нет выгоды работать более, нежели количество, требуемое Ревелем, Дерптом, Пернау». Казна обязалась закупить по «привилегированной плате»

140 тыс. пудов в течение 10 лет, обязав владельца получать сырье только из Петербурга. «Гартман говорит, что ему было бы выгоднее получать из Гамбурга, или прямо из Лондона», – записал поэт в своем дневнике. Ограниченность рынка сбыта, а также условия производства и продажи товара, навязанные фабрикантам властями, привели к стремлению арендатора и владельца скрывать доходы, не слишком заботясь о развитии завода. «Производство по-старинному. Гартман не слишком доверяет паровому производству. <...> Он замечает и то, что если паровое производство было бы признано лучшим, то в Англии, в Гамбурге покинули бы старинную методу, а между тем некоторые ее держатся» [7, с. 133–134].

Британцы не оставили попыток настоять на своем. После ухода Канкрин с поста министра и назначения его преемником более покладистого и склонного к компромиссам Ф.П. Вронченко, в 1845, 1846 и 1849 гг. давались временные разрешения (без изменения тарифа) на ввоз в Россию толченого сахара с пошлиной, определенной на сахар-сырец, что официально объяснялось стихийными бедствиями (ураган, неурожай сахарного тростника) на Кубе. Однако при этом импортные пошлины на сахар-сырец были повышены и только после ходатайств петербургских сахарозаводчиков, использовавших привозное сырье, несколько снижены в 1848 г. [9, с. 39]. В таможенном тарифе на 1851 г. (утвержден 13 октября 1850 г.), составленном председателем тарифного комитета Л.В. Тенгоборским, сохранилось запрещение на ввоз морем сахара-рафинада [Там же, с. 36, 38], за исключением Одессы как порто-франко [Там же, с. 76].

Из всех британских торговых фирм самые сильные позиции на русском рынке в 1830–1840 гг. сохраняла «Российская компания». Ее руководители использовали любой подходящий случай для того, чтобы продемонстрировать свою заинтересованность в сохранении и развитии двусторонней торговли.

В начале июня 1834 г., в то время, когда британский и французский послы при дворе султана настаивали на разрыве Ункяр-Искелесийского договора, а эскадры их держав готовились блокировать Константинополь, Канкрин сообщил Нессельроде: правление компании, узнав об учреждении Петербургским биржевым комитетом особого капитала биржи по случаю совершеннолетия наследника престола Вел. кн. Александра Николаевича, посчитало «... за приятнейший и лестный долг принять в оном участие...», препроводив «... в учрежденный по сему случаю Капитал... десять тысяч рублей ассигнациями». Министр просил вице-канцлера «... поручить Лондонской Миссии изъявить тамошней Российской Компании благодарность Его ВЕЛИЧЕСТВА» [5, л. 1].

Во время русско-британских переговоров о заключении торгового договора, которые велись в Лондоне и Петербурге с мая 1841 г. по декабрь 1842 г. [3, с. 207–210], «Российская компания» взяла на себя инициативу лоббирования этого важного документа. Банкет по случаю годовщины основания компании, традиционно отмечаемой в начале марта, представлял в 1841 г. «манifestацию дружбы», по выражению русского посланника в Лондоне барона Ф.И. Бруннова. Кроме Ч. Бэгота, бывшего посла в России, на банкете выступил видный дипломат лорд Г.Р. Каули. От лица английских торговцев он особо отметил покровительство, оказываемое британской фактории в Петербурге, и говорил о необходимости дальнейшего развития прямых торговых связей с Россией. Вскоре Бруннову был вручен меморандум о торговле через петербургский порт. Главное внимание в нем уделялось высоким пошлинам в России, положению английского купечества и порядку таможенного досмотра, в частности, системе браковки товаров, вызывавшей недовольство иностранцев [9, с. 21].

В сентябре 1841 г. к власти в Англии пришло торийское правительство во главе с Р. Пилем. Выступавшему тогда (по тактическим соображениям) за улучшение отношений с Петербургом Г.Дж. Темплу виконту Пальмерстону пришлось покинуть Министерство иностранных дел. Но политику экономического сближения с Россией продолжили Пиль и новый министр иностранных дел Дж.Г. Гордон лорд Эбердин. Дело заключения торгового договора находилось в это время «...в таком положении, что при некоторой уступчивости с той и другой стороны оно должно было кончиться полным согласием» [3, с. 207]. Однако участникам переговоров нелегко было проявить уступчивость. Английское правительство настаивало на облегчении допуска в Россию продукции британских мануфактур. Против такого требования высказались Канкрин и Нессельроде. «Оно не могло быть принято в желательном для Англичан объеме» [Там же, с. 208], – писал русский юрист Ф.Ф. Мартенс.

Другим камнем преткновения являлась английская позиция по вопросу о судоходстве. Английские суда в портах России пользовались равными с российскими судами правами. «Русские же суда, посещавшие английские порты, могли пользоваться некоторыми льготами только вследствие секретного предписания английского правительства своим таможенным властям – не применять к ним постановлений Act of Navigation. Императорское правительство настаивало на отмене постановлений этого акта, на что Лондонский кабинет не мог согласиться, ибо уступки, сделанные в пользу России, немедленно распространились бы на другие народы» [Там же]. По сведениям английского историка Г. Темперли,

распоряжение о неприменении к российским судам положений «Навигационного акта» относилось к 1821 г. [12, р. 406]. Как говорилось выше, в 1826 г. Тайный совет предоставил русским купцам статус наиболее благоприятствуемой нации в торговле с британскими колониями.

Нессельроде сообщил Бруннову: английский проект договора был рассмотрен им совместно с Канкриным и отклонен. По английскому проекту право наиболее благоприятствуемой нации распространялось только на те российские суда, на которых три четверти экипажа являлись русскими подданными. Надо пояснить, что в тот период российским судовладельцам приходилось нанимать значительное количество иностранцев для исполнения обязанностей матросов и шкиперов. По Чёрному и Средиземному морям торговля осуществлялась, в основном, греками, получившими право использовать русский коммерческий флаг. Поэтому условие английской стороны оказалось для России неприемлемым. Бруннов известил об этом Эбердина и министра торговли лорда Райпона, но те не смогли в ответ сказать ничего обнадеживающего [9, с. 24].

Нессельроде, получив донесение Бруннова от 6/18 января 1842 г. с изложением всех этих обстоятельств, сделал на нем следующую приписку: «...Мне кажется, что нам предстоит решить следующий вопрос: полезно ли сохранить status quo, или же следует лишить Англичан выгод, которыми они у нас пользуются в отношении судоходных пошлин без взаимности? Было бы глупо заключать с ними контракт без принятия ими нашего определения национальности кораблей. Мы не можем на это согласиться; трактат не предоставляет нам никаких выгод и лишит нас, может быть, тех выгод, которыми мы пользуемся благодаря нынешней терпимости английских властей» [3, с. 208–209].

По словам Мартенса, лондонский кабинет «немедленно отказался от своих претензий» после получения ответа императорского правительства «...оставаться при старом режиме и не делать Англии никаких уступок, несогласных с началами его торговой политики...» [Там же, с. 209]. Семёнов поправляет Мартенса, указывая на следующее обстоятельство: «переговоры зашли в тупик» почти на целый год. В отчете МИД за 1842 г. Нессельроде писал о том, что кабинет Пиля увязывал вопрос о предоставлении России прав наиболее благоприятствуемой нации в торговле с вопросом «...об изменении нашего тарифа, модификации нашей протекционистской системы. Вследствие такой позиции английского кабинета переговоры были отложены...» [13, с. 25].

Внесение в переговоры по экономической проблеме политически окрашенного вопроса об изменении таможенного тарифа привело стороны к тупиковой ситуации. В этой ситуации британское купечество оказало

серьезное давление на свое правительство. «Российская компания» усилила активность. На организованном ее руководством банкете в начале марта 1842 г. присутствовали министры кабинета Эбердин и Райпон, министр финансов Голборн и председатель Совета по делам Индии Фицджеральд. Директор компании член парламента У. Астелл выступил с речью, в которой говорил об успехах компании с воцарением Николая I, внимании к английским купцам в России и важности развития торговли для укрепления политических отношений, существующих между двумя державами [13, с. 24].

Тем не менее, позиция британского правительства не менялась вплоть до июля 1842 г., когда в Петербурге был опубликован указ Николая I Сенату от 19 июля, предоставляющий Пруссии на основе взаимности равенство флага с российскими судами, причем прусские товары не должны были облагаться более высокими пошлинами, чем аналогичные товары какой-либо другой страны. «Изменение ставок тарифа, как видно на примере русско-пруссских переговоров, не было внесено в текст договора, а введено односторонним актом. По такому пути и надеялась пойти английская дипломатия во второй стадии переговоров с Россией. Нессельроде, со своей стороны, не предлагал Англии “изменить в пользу России законы, которые служат обоснованием ее торгового законодательства”, надо полагать, чтобы избежать в таком случае обсуждения тарифного вопроса» [Там же, с. 26].

Эбердин в том же июле 1842 г. в письме британскому посланнику в России Дж.А. Дугласу лорду Блумфилду изложил новую позицию британской стороны. Он предлагал не включать вопрос о тарифе в текст договора, но добиваться изменения тарифной системы России, убеждая российское правительство, что это принесет ему выгоду, «расширив коммерческие отношения с другими странами» [Там же, с. 24–25]. Процесс обсуждения и сближения позиций был ускорен. На ускорение повлияло также введение в действие нового русско-турецкого таможенного тарифа, утвержденного 14 сентября 1842 г. и вступившего в силу 1 октября. Тариф позволял русским предпринимателям расширить сферу экспортно-импортных операций в Турции и вступить в конкуренцию с британцами [Там же, с. 126]. К середине декабря англо-русские переговоры были завершены и 30 декабря 1842 г. / 11 января 1843 г. торговый договор был подписан в Петербурге [3, с. 210–223, № 451]. Он, по оценке Семёнова, «...явился одним из договоров, отразивших переход к принципу наибольшего благоприятствования в практике международных экономических отношений. <...> Договор 1842 г. явился важной вехой в истории русского торгового мореплавания. Не только потому, что русский флаг

получил равные права в торговле с крупнейшей тогда морской державой, но и потому, что этот договор позволил добиться аналогичных прав в торговле с рядом других европейских государств, прежде всего, с Францией». Если до заключения договора Россия имела подобные соглашения только со Швецией, Норвегией, США и ганзейскими городами, то в 1843 г. к ним присоединились Франция, Австрия, Нидерланды, Королевство Обеих Сицилий и Сардинское королевство. До Крымской войны такие договоры заключили с Россией Бразилия, Греция, Бельгия и Португалия [9, с. 26, 27, 28].

Нессельроде в отчете МИДа за 1842 г. писал: договор был благоприятно встречен в Англии [Там же, с. 26]. Однако то, что кабинету Пия не удалось добиться изменения протекционистского характера русской таможенной политики, вызывало недовольство британского купечества и самого Пия. Он «...не упускал случая, чтоб убедить русского посланника в ошибочности финансовой политики Императорского правительства» [3, с. 209]. Суть аргументации заключалась в следующем: Россия самой природой создана быть земледельческой, а не мануфактурной страной. При таких обстоятельствах несогласно с пользой русского народа покровительствовать фабричной промышленности в ущерб земледелию. Пиль говорил Бруннову: «...если вы раз вступили на путь покровительственной системы, то не знаете уже, как далеко вы пойдете в удовлетворении претензий ваших мануфактур. Все желают нажать сколь возможно больше. Никогда вы их вполне не удовлетворите. Нет ничего неблагодарнее, как фабричная промышленность. Она не будет себя считать обязанною вам своими барышами. Но она всегда будет ставить вам в вину свои потери. Таким образом, от уступки к уступке, вы дойдете мало-помалу в вашей покровительственной системе до полнейшего запрещения. Когда вы достигнете этого пункта, вы с удивлением увидите, что, несмотря на исключительное покровительство, оказываемое вами промышленности, она все-таки остается неподвижною и отсталою. Это в природе вещей. Будучи освобождена от всякой конкуренции (так в тексте. – А.О.) и будучи уверена в исключительном владении вашим рынком, туземная промышленность останавливается в своем развитии и падает... Она вам предписывает свой закон. Вы принуждены покупать плохой товар, который она вам дает... Покровительственная система, имеющая целью дать жизнь промышленности, делает ее бесплодною, ибо в области промышленности нет прогресса, если вы не принуждены непрерывно бороться против опасной конкуренции, которая вас заставляет постоянно стремиться вперед». Наконец, Пиль советовал бояться ненасытного властолюбия промышленности. Привыкшая к покровительству, она постоянно

твердит государству: «вы обязаны вечно обеспечивать за мной право на исключительное покровительство, ибо вы это делали в продолжении многих лет» [3, с. 209–210].

Это донесение Бруннова с лекцией Пиля в духе политэконома А. Смита Нессельроде препроводил к Канкрину. В ответном письме министр финансов подробно опроверг мнение главы британского правительства о вреде покровительственной системы. Он в очередной раз доказывал: неразвитая русская промышленность не в состоянии выдержать конкуренции с продукцией английских и других западноевропейских фабрик. Поэтому она нуждается в покровительстве посредством высоких таможенных пошлин, назначаемых на привозимые из-за границы фабричные изделия [Там же, с. 210]. В Британии должны были понять, что пока Канкрин находится на посту министра финансов, система русского протекционизма в своих главных основаниях не изменится. Новые попытки давления на Россию в этом плане последуют после отставки Канкрин в 1844 г.

Но и у российских промышленников и купцов переговоры с британцами вызвали не столько удовлетворение, сколько подозрение в том, что последние сумеют использовать предоставленные им права с пользой исключительно для себя. В отчете III-го Отделения за 1842 г. говорилось: «Внимание нашего правительства, по мнению общему, должна обратить на себя Англия. Ей верить не должно. Мы скоро увидим, что Англия введет монополию и покроет китайское поморье своими таможенями. Она уже сделала распоряжения о съемке берега, на котором лежат торговые гавани, и после последних своих успехов, утвердившись на северном берегу Китая, англичане приблизились к нашим владениям в Камчатке, на Кадьяке, Уналашке и на других Алеутских островах, где им весьма легко будет не только с такою значительною флотилией, какая находится у них теперь в Китайском море, но даже с одним фрегатом – расстроить все заведения нашей беззащитной Американской компании (имеется в виду Российско-Американская компания. – А.О.) и положить там основание своих укреплений. Петербургское купечество думает, что наша торговля задавлена будет *дешевизною* (так в тексте. – А.О.) и достоинством английских мануфактурных произведений, с которыми не выдержат соперничества наши плохие товары, обходящиеся дорого по причине далекого их сухопутного доставления в Кяхту» [8, с. 279].

В этом отношении критике подвергалась деятельность российских властей, не могущих в полной мере отстоять интересы отечественных предпринимателей. «В высшем обществе с особенным удивлением и даже некоторою колкостью отзываются о том, что при последних событиях в Китае и присвоенных англичанами выгодах, угрожающих

стеснением нашей торговле, – правительство наше остается равнодушным зрителем и не принимает никаких мер для успокоения встревоженного русского купечества» [8, с. 302]. В отчете за 1842 г. отмечалось: «...в долголетнее управление Министерством финансов граф Канкрин приобрел уважение публики и доверенность торгового и промышленного сословия в России». Но его тарифная политика, когда высокой пошлиной облагались не только предметы роскоши, но и товары первой необходимости, произвела «неумолкаемый ропот». Мало кто сомневался в том, что «подобная мера произведет... контрабанду... торговля встретит не только препятствие, но и само потрясение, и потеря будет общая, а выигрыш на стороне одних контрабандистов» [Там же, с. 297].

Отчет III-го Отделения за 1843 г. повторяет эти жалобы. «Никогда ведомство таможенное не производило подобного всеобщего ропота, как ныне! <...> ...Шаток тот доход, который основан на ропоте народа, и... такой доход может увеличиться только первые годы, но впоследствии и сам упадет и торговлю расстроит» [Там же, с. 330]. По поводу реакции русского общества на подписание торгового договора говорилось следующее: «...трактат о мореплавании, имеющий целью распространить, усилить и утвердить торговые сношения подданных обоих государств, почитается вообще зрело обдуманным в пользу России. В Англии этот трактат не избежал осуждения партии недовольных, которые в каждом распоряжении правительства видят нарушение прав народных» [Там же, с. 310]. Реакция довольно осторожная, но вновь с уклоном не доверять англичанам, способным изменить свой политический курс под давлением оппозиции. Не добавляло оптимизма россиянам и реальное состояние пассивного торгового баланса страны. «...Внешняя торговля наша не представляет утешительных результатов, и в прошедшем году баланс заграничной торговли склонился в пользу привоза на сумму до 400 тыс. руб. серебром. Причиною тому полагают: избыток товаров за границею и повсеместный неурожай хлеба в России в 1842 году» [Там же, с. 329], – сказано в отчете жандармского ведомства.

Обстоятельства переговоров о заключении торгового трактата 1842 г. должны были поставить Николая I перед сложной дилеммой. С одной стороны, он не собирался отказываться от протекционистской политики. Но, с другой стороны, все яснее становилось то, что ограничение торговли с Великобританией и другими странами больно бьет по финансовой системе его государства. Отчет III-го Отделения за 1842 г. зафиксировал такое мнение публики: «Скудость финансов России не совместна с важностью ее значения: мы не можем обойтись без внешнего займа в случае войны, и не имеем собственных достаточных способов для того,

чтобы возвысить внутреннее наше благосостояние во время мира. Частный кредит наш заметно клонится к упадку; коммерческий – не вполне соответствует размерам нашей торговли и, если еще не ослабел наш государственный кредит, то этим Россия обязана не финансовой системе, но политическому своему весу» [8, с. 297]. Как можно было вырваться из такого заколдованного круга?

Нам представляется, что император решил в своем обычном стиле «разрубания узлов», принятым на вооружение после успехов конца 1820-х – начала 1830-х гг., воспользоваться именно политическим весом России для достижения положения, при котором сферы влияния Петербурга и Лондона на Ближнем Востоке были бы официально разделены. Если бы сторонам удалось договориться о наследстве распадавшейся Турции («больного человека Европы» [*l'homme malade de l'Europe*], по любимому выражению императора), это надолго гарантировало бы российской экономике рынки сбыта товаров, доставку необходимого развивающейся промышленности сырья, рост доходов внешней торговли и, как следствие, восстановление частного и государственного кредита. Именно в таком ключе следует рассматривать обращение Николая I к Великобритании в 1844 г. с предложением раздела наследства «больного человека».

Обратим внимание на еще одно важное обстоятельство. В период нахождения Вронченко на посту министра финансов (1844–1850 гг.), Николай I фактически сам исполнял обязанности главы этого ведомства [13, с. 618]. В эпоху экономического кризиса 1847 г., когда осенью этого года запасы металлической наличности Английского банка снизились почти вдвое (на 6,2 млн. фунтов стерлингов), а учетная ставка поднялась до 8% (неофициальная – до 10–12%) [9, с. 89], император решил поддержать финансовую систему Великобритании, вложив в Английский банк крупные средства в золоте. Ход Николая I был вполне прагматическим. По его личному признанию, кризис, поразивший Англию, сказался и на России. В письме к Паскевичу от 27 октября / 8 ноября 1847 г. он писал: «Английская денежная криза и здесь чувствительна, я послал их банку 4 милл[иона] золотом, дабы хотя несколько оживить торговлю с нами; не знаю, удастся ли?» При этом император признавался: бюджет России на 1848 г. вновь приходилось составлять с дефицитом. «Сколачиваю смету; я крихчу, трудно, всё расходы растут, уменьшений в ценах мало в сравнении других прибавок, и не знаю, как покроем» [6, с. 520, № 4]. Но сохранение торговли с Великобританией в прежнем объеме было для Николая I, как явствует из письма, приоритетной задачей.

Покупку английских процентных бумаг поручили Бруннову. Русское золото доставили в Англию на трех пароходах. Юридическое оформление

сделки возложили на придворный банк «Штиглиц и К^о». Первоначально предполагалось приобрести преимущественно 3%-е консолидированные фонды (консоли), однако в итоге, в ноябре 1847 г., на сумму около 540 тыс. фунтов стерлингов (3,5 млн. руб.) было приобретено билетов британского казначейства, приносящих 4,5% в год. Операция с консолями не удалась, т.к. инструкции о курсе, при котором могли быть приобретены ценные бумаги, поступали от Николая I из Петербурга через курьеров, а тем трудно было угнаться за изменениями на лондонской бирже [9, с. 91–92]. Обычно депеши из Петербурга в Лондон доставляли не менее чем за 10 дней. Бруннов с восхищением писал о курьере, проделавшим этот путь за 9,5 дней: он никогда не видел «такой чрезвычайной быстроты» [3, с. 207]. В худшем случае обращение корреспонденции могло растянуться на месяц [10, с. 197].

Во Франции середины 1840-х гг. существовало еще более тяжелое экономическое положение. Страну поразили поочередно кризис сельского хозяйства, промышленный, биржевой и банковский кризисы, лишившие работы десятки тысяч человек. Для решения этих проблем французское правительство, преодолев политическую антипатию к Николаю I, пошло на широкие закупки в России зерна и на получение крупных займов. Император и здесь проявил заинтересованность в том, чтобы поддержать экономику Франции столь нелюбимого им короля Луи Филиппа на плаву. 4/16 сентября 1846 г. между Францией и Россией был заключен трактат о торговле и мореплавании. Он стал «...основой для развития диалога в области торгово-экономических отношений» двух стран [11, с. 257].

Россия согласилась выкупить у Французского банка по выгодному для него курсу ценные бумаги на сумму в 50 млн. франков. 4/16 марта 1847 г. русский поверенный в делах во Франции Н.Д. Киселёв и управляющий банком гр. А.М.А. д'Аргу подписали соответствующую конвенцию. Агент III-го Отделения в Париже Я.Н. Толстой сообщал: это событие вызвало «невыразимую сенсацию» в столице и, в особенности, на бирже, где о нем никто не знал. «Сам Ротшильд (Джеймс Ротшильд. – *А.О.*), который слышит всемогущим и всезнающим, был поражен и задет за живое». Далее он писал: «Из разговоров с самыми разнообразными людьми, расспрашивавшими меня об этих переговорах, я вывел заключение, что эта сделка считается чрезвычайно выгодной для Франции и рассматривается как один из элементов к заключению в недалеком будущем союза между двумя странами. Некоторые же считают ее ловким шагом со стороны нашего правительства. Их рассуждения основаны на том, что неурожай, постигший Францию, заставит ее сделать в России огромные закупки хлеба, а звонкая монета, предоставленная Франции, не уйдет из России».

Новость о заключении конвенции вызовет огромное впечатление в Лондоне, предполагал Толстой [11, с. 257–258].

Переписка Николая I с Паскевичем показывает: император действительно надеялся покупкой французских облигаций «...дать выход тогдашнему обильному урожаю нашему на французский рынок, где ощущался сильный недостаток в хлебных запасах для продовольствия населения» [2, с. XIV]. Однако политическую составляющую этого шага ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов. Последствия новой смуты во Франции обошлись бы России и венской системе еще дороже. Так и случилось. В конце февраля 1848 г. в Париже произошла революция, которая лишила Луи Филиппа трона и установила в стране республику. Республиканский режим идеологически был еще более чужд российскому самодержавию, чем «фальшивая» Июльская монархия [11, с. 258–259]. Революция спровоцировала очередной кризис венской системы.

По оценке Семёнова, «скупка ренты в Лондоне и Париже... положительно отразилась на лондонском денежном рынке. Покупка министерством финансов России французской ренты приостановила утечку золота из Английского банка на континент Европы». Семёнов приводит высказывание американского историка Л. Дженкса о том, что, приобретая французскую ренту и английские консоли, Николай I золотом своих ресурсов пришел на помощь Западу [9, с. 91].

На наш взгляд, действия российского правительства на лондонском и парижском финансовых рынках в 1847–1848 гг. свидетельствуют: Петербург, кроме желания поддержать свою торговлю, стремился содействовать Британии и Франции в преодолении трудностей их внутреннего развития для предотвращения потрясений, способных нанести непоправимый вред венской системе международных отношений. Русское золото и серебро, депонированное в Английском и Французском банках, должно было спасти созданный в 1814–1815 гг. мировой порядок. Это объясняет, почему Николай I решился на рискованные операции при серьезном дефиците бюджета его империи.

Библиографический список

1. Блюх И.С. Финансы России XIX столетия. История – статистика. Т. I. СПб., 1882.
2. Божерянов И.Н. Граф Егор Францевич Канкрин. Его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления министерством финансов. СПб., МДСССХСVII [1897].
3. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. XII. Трактаты с Англиею, 1832–1895. СПб., 1898.

4. Нота британского посланника У. А'Корта барона Хейтсбери вице-канцлеру гр. К.В. Нессельроде от 18/30 июня 1830 г. // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 161 (Санкт-Петербургский Главный архив). Оп. 718. Д. 247.
5. Отношение министра финансов гр. Е.Ф. Канкринна вице-канцлеру гр. К.В. Нессельроде от 4 июня 1834 г., № 2669 // АВПРИ. Ф. 161, III-1. Оп. 111 (1834 г.). Д. 80.
6. Письма Николая Павловича И.Ф. Паскевичу. 1832–1847 // Николай I. Муж. Отец. Император / Сост., предисл. Н.И. Азаровой; Коммент. Н.И. Азаровой, Л.В. Гладковой; Пер. с фр. Л.В. Гладковой. М., 2000.
7. Полн. собр. соч. Князя П.А. Вяземского. Т. IX. Старая записная книжка. 1813–1852 гг. СПб., 1884.
8. Россия под надзором. Отчеты III Отделения 1827–1869: Сб. документов / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006.
9. Семёнов Л.С. Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX века. Л., 1975.
10. Тарле Е.В. Крымская война. Т. I. М., 2003.
11. Черкасов П.П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М., 2008.
12. Temperley H.[W.V.] England and the Near East. The Crimea. L., 1936.
13. 1852 год. Из записок сенатора К.Н. Лебедева // Русский архив, 1888. Кн. I, № 4.